2018. № 4 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С./Pp. 7–24
Voprosy Jazykoznanija
DOI: 10.31857/S0373658X0000030-2

Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе*

Алексей Алексеевич Гиппиус[a, @],
Андрей Анатольевич Зализняк

[a] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация;
[@] agippius@mail.ru

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Великом Новгороде и Старой Руссе в археологическом сезоне 2017 г. Это последняя в данной серии публикация, подготовленная Андреем Анатольевичем Зализняком.

Ключевые слова: берестяные грамоты, Новгород, Старая Русса

Birchbark letters from the Novgorod and Staraya Russa excavations of 2017

Alexey A. Gippius[a, @], Andrey A. Zaliznyak

[a] National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
[@] agippius@mail.ru

The article is a preliminary publication of the birchbark letters found in Novgorod and Staraya Russa during the archeological season of 2017. This is the last publication in the series prepared by Andrey Anatolyevich Zaliznyak.

Keywords: birchbark letters, Novgorod, Staraya Russa

Великий Новгород

В Великом Новгороде в сезоне 2017 г. на Троицком раскопе XV (руководитель работ А. М. Степанов) изучались напластования, предварительно датируемые концом XII — началом XIII в. Найдены берестяные грамоты № 1090 и 1091.

На Троицком раскопе XVI (руководитель В. К. Сингх) в 2017 г. изучались напластования, относящиеся к первой половине XIV в. Найдена грамота № 1092.

В 2017 г. начались охранные археологические раскопки на Торговой стороне на участке по ул. Никольской, 17, где был заложен раскоп Дубошин-2 общей площадью 216 кв. м (руководители О. А. Тарабардина и М. И. Петров). В ходе исследований было вскрыто 2 м средневекового культурного слоя, предварительная датировка которого — середина XIV — начало XV в. В этих слоях было найдено 10 грамот: № 1093–1102.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-04-00331 «Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012–2015 гг.». Авторы признательны руководителям раскопов за предоставление текстов для публикации и стратиграфических данных.

Принципы записи текста и комментирования такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Маленький фрагмент № 1090, не содержащий существенной лингвистической информации, в публикацию не включен.

№ 1091. Троицкий раскоп. Первые две строки списка. Продолжения строк вправо, по-видимому, не было. Были ли еще строки ниже, неизвестно; но вполне вероятно, что текст состоял всего из двух строк.

| ѧнока | мацеχа | ѧкиме
\+ ѳома | стш жена | м-[χ]а | мати мику[ла] |

В слове *мацеха* буква *е* переправлена из *а*. Перед *Ѧкиме* стоит еще какая-то буква, вероятно, зачеркнутая (скорее всего, это неудавшееся ѧ). Неясная запись *стш* — возможно, сокращение какого-то имени (например, *Стеша*).

Стратиграфическая дата: конец XII — начало XIII в.

Судя по расположению знака креста, который обычно начинает текст, началом грамоты является слово *Ѳома*, а верхняя строка — это добавление, которое по какой-то причине автор решил поместить не под основным текстом, а над ним.

Перед нами список, состоящий из личных имен и женских терминов родства, включающих жену, мать и мачеху. Вероятно, эти имена и термины образуют пары: Фома и его жена (возможно, по имени Стеша, т. е. Степанида), Миха и его мать, Янка и ее мачеха. Кроме того, участвуют Яким и Микула. Зачем был составлен такой список, надежно определить невозможно. Это могут быть, например, люди, которые приглашены присутствовать при каком-то обряде, требующем участия женщин, например крещении новорожденного. Другая возможность состоит в том, что в грамоте перечислены лица, приглашенные на соседский обед. Участие в таких обедах женщин — характерная черта древнерусского быта, свидетельствуемая, в частности, былинами; см. особенно былину о Хотене Блудовиче, завязку которой образует ссора двух богатых вдов на княжеском пиру (заметим, что и в грамоте мать и мачеха, скорее всего, являются вдовами — иначе они были бы названы вместе со своими мужьями). В связи с такой возможностью обращает на себя внимание грамота № 671, предположительно трактованная в издании как разверстка доставки меда на соседскую братчину. Документ происходит с усадьбы «Г» Троицкого раскопа и датируется тем же временем, что и комментируемая грамота. Любопытно, что и этот реестр открывается именем Фомы. Имя это, впрочем, принадлежит к числу распространенных и вполне могло принадлежать двум разным людям. Между тем для двух других персонажей грамоты № 1091 вероятность отождествления с уже известными нам лицами весьма высока.

Это знаменитый Яким, живший в эту эпоху на соседней усадьбе «Ж» и написавший целых 37 грамот (и упомянутый еще в двух грамотах; см. общий обзор этого блока [НГБ XII: 137–141]).

Это также Янка, написавшая грамоту № 731, найденную в слоях 50-х — 70-х гг. XII в. на находящейся несколько дальше усадьбе «П», — известное письмо к свахе с согласием на ее услуги.

Примечательная особенность грамоты — использование словоразделителя (в виде вертикальной черты). Он применен почти последовательно: отсутствует только в двух случаях.

№ 1092. Троицкий раскоп. Левая часть трехстрочного документа. Последняя строка — более мелкими буквами.

цто χодилъ пѣшь ѵ҃лв...
и соболинъ . ѡ[ро]...
кнѧжъ кост-н...

Стратиграфическая дата: первая половина (предпочтительно вторая четверть) XIV в.

Полное восстановление документа невозможно, можно лишь попытаться оценить общий характер его содержания.

Для первой строки ср. важную параллель в духовном стихе о св. Георгии:

По той земле заповеданной
***Пеш человек не прохаживал**,*
На коне никто не проезживал.
[Ляцкий: 112].

Подобное «местоименное» употребление сочетания *пѣшь человѣкъ* можно предполагать и в этой грамоте. Таким образом, оборот, производящий впечатление чисто фольклорного, оказался нормальным способом выражения определенной ситуации в древнерусской деловой речи.

Слово *соболинъ*, скорее всего, было подчинено слову *ловъ* (например, *въ ловъ кунии и соболинъ*). Выражение *ходити в ловы* многократно встречается в деловой письменности Юго-Западной Руси XV–XVI вв., явно продолжая древнерусское употребление; см., например, в грамоте 1471 г.: *а ловъцовъ пять што в ловы ходять* [ССМ, 2: 554].

По-видимому, документ начинался примерно так: ‘Что ходили люди [в такой-то местности на кунью] и соболиную [охоту]...’. Далее могла следовать какая-то информация о положении дел в этой местности или какое-то распоряжение разрешающего или запрещающего свойства.

В конце в качестве приписки имелась также какая-то форма ссылки на волю князя Константина. Но видеть в третьей строке просто своего рода подпись (типа *Торолина грамота* в Ст.Р. 43) едва ли возможно, поскольку документ не имеет формы официальной княжеской грамоты.

Кнѧжъ Костѧнтинь (или *-ня*, *-не*, *-ни*) (другой возможный вариант: *Костѧнтиновъ* (или *-ова*, *-ово*, *-овы*)) — хорошо известный из древнерусских документов особый тип притяжательной конструкции с начальным словом *къняжь*, где это слово утратило согласование с существительным и остается в неизменной форме. Надежно восстановить недостающее существительное в данном случае нереально.

Князь Константин — почти наверное Константин Михайлович тверской, занимавший стол в 1327–1338 и 1339–1345 гг. Это одно из очень редких в берестяных грамотах упоминаний князя с именем. Новгородским князем Константин Михайлович никогда не был, но кратковременно находился в Новгороде в 1329 г., сопровождая Ивана Калиту в его походе на Псков [НПЛ: 342]. В этом походе, направленном против его брата Александра Михайловича, князь Константин выступал как вассал московского князя. Не мог ли он какое-то время выполнять роль наместника Калиты в Новгороде? Так или иначе грамота содержит новую историческую информацию, еще нуждающуюся в осмыслении.

№ 1093. Дубошин-2 раскоп. Левая часть последней строки письма и фрагмент предшествующей строки.

- - - любо . полтину ...
кланѧєць своєму ѻс(подину) ...

Стратиграфическая дата: конец XIV — первая четверть XV в. (предпочтительно 1390–1410-е гг.).

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг. — предпочтительно не позднее 1410-х.

Это маленький фрагмент письма к феодалу. В тексте упоминался, в частности, вариант решения какого-то делового вопроса путем выплаты полтины. Редкая особенность документа состоит в том, что заключительный поклон господину сформулирован в третьем лице

(*кланѧець* ‘кланяется’), т. е. пишущий, по-видимому, передает поклон не от себя, а от того, кто ему диктует.

С лингвистической точки зрения представляет интерес конечное *-ць* в самой этой форме *кланѧець*: *ц* здесь, конечно, происходит из *тьс*; но *ь* после *ц* интерпретируется неоднозначно: за *ць* может стоять либо [ц’е], либо просто [ц’]. В первом случае здесь представлено такое же *-е* из *-ѧ*, как в примерах *-се* из *-сѧ*, указанных в [ДНД$_2$, § 2.36]. Во втором случае это уникальный пример утраты конечного [’а] в показателе возвратности *сѧ* даже тогда, когда это *сѧ* слилось с предшествующим *ть* в [-ц’а].

№ 1094. Дубошин-2 раскоп. Целое письмо из шести строк.

челобѣтыѥ ѿ волоса г҃ину къфо=
носу и къ михалѣ . первоѥ . оу=
бѣле сына моѥго . а ныноцо вам
ѥне . васѣлъке . и ѥска . а нынь . г҃и=
не . ѻт томъ пецалтесь . а ѥще на м=
ене похупаѥтсѧ

В конце строки 3 в слове *вам* недописано ъ. В строке 5 в *ѻт томъ* продублировано *т*. Написание *къфоносу* явно следует интерпретировать как *к <О>фоносу* (не как *къ Фоносу*).

Стратиграфическая дата: конец XIV — первая четверть XV в. (предпочтительно 1390–1410-е гг.).

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг. — предпочтительно не позднее 1410-х.

Перед нами жалоба крестьянина господам на самоуправство ключника (или старосты), подобная грамотам № 370 и 446.

Перевод: ‘Челобитье от Волоса к господину Офоносу и к Михале. Сперва он избил моего сына, а теперь Василко и Еська забирают его к вам. Так что теперь, господин, о том позаботьтесь. А еще он на меня задирается’.

Понимание деталей конфликта зависит от интерпретации словоформы *Еська*. Это может быть или И. ед. имени *Еська*, или В. = Р. имени *Есько*. Приведенный перевод отражает первую возможность, которая кажется предпочтительной. Ситуация в этом случае выглядит следующей. Ключник избил Волосова сына и теперь забирает его для отправки к господам (вероятно, как в чем-то обвиняемого или для каких-то работ и т. п.); в этом ему содействует Еська, также выполняющий какие-то административные функции (например, судебный пристав). Имя Еськи могло быть добавлено к уже готовой фразе *Первое убиле сына моего, а ныноцо вамъ ене Василъко* — этим объяснялось бы, что далее речь идет об одном Василке как главном обидчике. Впрочем, то, что глагол при двух подлежащих употреблен в единственном числе, в любом случае не противоречит данной трактовке: это вполне обычное для древнерусских текстов явление.

При трактовке *Еська* как В. = Р. от *Есько* это имя должно принадлежать человеку, которого Василко забирает к господам вместе с избитым им сыном Волоса, — например, еще одному его сыну или какому-то родственнику. Но о том, что Василко не только избил, но и забирает Волосова сына, грамота — при таком ее понимании — не сообщает, что кажется странным.

В принципе возможна также еще одна интерпретация ситуации: речь идет лишь об одном сыне Волоса, имя которого имеет вид *Иесько*, то есть в тексте имеется словосочетание *сына моѥго ... Иѥска*, разорванное большой вставной фразой *а ныноцо вам*(ъ) *ѥне Василъке*. Но и эта версия менее вероятна, чем первая, поскольку *ие-* вместо *е-* в имени встретилось всего один раз (*Иевана* в № 560), причем в списке имен для церковного поминания, тогда как написания *Есиф-*, *Еван-*, *Еремь-* встретились около 30 раз, и, кроме того, крайней редкостью является столь сложная синтаксическая конструкция.

За написанием *г҃не* в строках 4–5, конечно, стоит *осподине*; см. [ДНД$_2$, § 1.15]. Но написание *г҃ну* в строке 1 неоднозначно: за ним стоит либо *осподину*, либо *к осподину*. В первом

случае автор, по-видимому, допустил синтаксическую погрешность, нечаянно совместив в одной конструкции (*челобитье осподину к Офоносу*) две равно допустимые модели — *челобитье кому* (как в грамотах № 15, 129, 297, 300, 310) и *челобитье к кому* (как в № 135, 167, 314, 354, 413). Во втором случае автор либо просто случайно пропустил предлог в *к гйну* (или *къ гйну*), либо механически упростил *кг* в *г* по аналогии со случаями, когда упрощение *кг* → *гг* → *г* имеет фонетическую причину.

В *ѥне* ‘берет’ представлено *н*’ из *мл*’ [ДНД$_2$, § 2.40]; ср. [Попр.-XII: 223] о форме *ене* в грамоте № 325.

В *ыноцо* слог [н’о] записан как *но*. А само это [н’о] является следствием индивидуальной смены безударного *ѣ* на *е* в исходном *нынѣче*.

Утрата конечной гласной в *нынь* — такая же, как в *нынь* в грамоте без смешения *ь* с *е* № 697 (и в современном *нынче*). В форме *пецалтесь* (из *печалитеся*) утрачена не только конечная гласная, но и гласная перед постфиксом *-те* — как в современном языке.

Первоѥ выступает в значении наречия: ‘сперва’, ‘во-первых’.

Похупатися — ‘похваляться’, ‘насмехаться с угрозами’, ‘хвастливо угрожать’; см. [Слов. XI–XVII, 18: 51].

Дохристианское имя *Волосъ* сохраняется в силу его отождествления с христианским именем *Власъ* (*Власии*).

Особый интерес представляет написание *Василъке* — с *ъ*, а не *ь*. Это почти наверное не описка, а ценное свидетельство существования, наряду с именем *Василь*, также варианта *Василъ* (с твердой основой).

В [ДНД$_2$, § 3.8] указано, что в древненовгородском диалекте в мягком варианте *о*-склонения в И. ед. выступает окончание *-ь* (а не *-е*, как в твердом варианте). Перечислены все имеющиеся в берестяных грамотах примеры этой формы, где нет смешения *ь* с *е* и в твердом варианте выступает *-е*. Таких примеров девять. Из них восемь имеют окончание *-ь*, единственное исключение — *Ва*[*си*]*лъ* = <*Василе*> в № 496. Отмечено, кроме того, что В. Б. Крысько указал, в частности, важный пример *Василе Синечь* в летописи Авраамки, где в И. ед. представлено окончание *-е*.

Написание *Васѣлъке* в настоящей грамоте оказывается ключом к устранению этих странных исключений: раз существовал вариант *Василъ*, то оба указанных исключения перестают быть таковыми — это просто правильные формы твердого склонения.

Прямым свидетельством реальности имени *Василко* может служить вятское *васило́к* ‘василёк’ [СРНГ, 4: 66]. Далее, к варианту *Василъ*, очевидно, восходят фамилии *Василов*, *Василков*, *Василовский*, *Василович* и названия деревни *Василово* (в Башкирии) и поселка *Василовка* (в Челябинской области), встречающиеся в интернете. Правда, с древнерусским именем в этой сфере в принципе может конкурировать редкое имя *Васил* арабского происхождения, но целиком весь этот пучок антропонимов и топонимов с характерным русским морфологическим оформлением таким образом объясняться явно не может.

Фонетические характеристики заимствованных личных имен в древнерусском языке тоже говорят в пользу высокой вероятности существования варианта *Василъ*. Вариантность *Василь* — *Василъ* совершенно такая же, как засвидетельствованная берестяными грамотами вариантность *Михаль* — *Михалъ*; ср. также пример *Васѣлъке* с примером *со Михалькою* в № 937. Отсечение конечного *-ии* в именах вообще почти всегда дает имя с твердой основой, например, *Дмитръ*, *Макаръ*, *Егоръ*, *Корнилъ*, *Савелъ*, *Перфилъ*, *Антонъ*, *Парфенъ* (не говоря уже об именах не на сонанты, а на другие согласные, например, *Власъ*, *Игнатъ* и т. п.). Так что, вообще говоря, особого объяснения требует появление варианта *Василь* при исходном *Василии*, тогда как вариант *Василъ* ничем не отличается от основного ряда таких имен.

№ 1095. Дубошин-2 раскоп. Правая часть четырех средних строк письма. Обрезано сверху, снизу и слева. Удивительно мелкие буквы (около 2,5 мм в высоту), сохраняющие тем не менее высокую палеографическую определенность и даже известное изящество.

...-[ома] а н[е о]купаѥ
... худо буде а на то у
...теи и=своихъ хоромо
...не у те[бе о]...

Над всеми тремя **и** стоит точка — возможно, писец считал, что точка должна ставиться не только над **і**, но вообще над любым знаком для /и/. К сожалению, в тексте не встретилось **и** после согласной, и неизвестно, ставил ли он и в этом случае точку.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг. — предпочтительно не позднее 1410-х.

Длина утраченной левой части, к сожалению, несомненно значительна — по-видимому, не меньше половины длины строки. Тем не менее предмет, о котором шла речь в письме, можно предположительно назвать — правда, только при допущении, что прилагательное *худо* и местоимение *то* во второй строке относятся к одному объекту, названному каким-то существительным среднего рода. На эту роль лучше всего подходит слово *село*. Села регулярно выступают как предмет выкупа в новгородских пергаменных грамотах, причем в одном случае упоминаются «добрые» и «худые» села: *А въ которого человека почнуть окупа*[*ти*] *села въ Новъгородьскои волости, окупити ему и доброе и худое* (договор Новгорода с кн. Михаилом Ярославичем 1318–1319 г. [ГВНП: 26, № 13]). В нашем случае речь могла идти о том, что некто взялся выкупить села у названного лица, «но не выкупает». Для дальнейшего вероятной представляется реконструкция: (*А которое село*) *худо буде, а на то у*|---------- (*дѣ*)*теи и-своихъ хоромъ*.

№ 1096. Дубошин-2 раскоп. Первые две строки письма.

поклонъ ѿ климентѣꙗ і ѿ мары
къ п[ѧ]тк[у къ] ꙩп[ар]ин[у] а...

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIV в. (предпочтительно последнее двадцатилетие).

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг. — предпочтительно не позднее 1410-х.

Ср. грамоту № 311 (Неревский раскоп, то же время), где упоминается Климец Опарин: *Гн҃у своѥму Михаилу Юреѥвичу хрестѧни твоі черенщани чело биюте. Што ѥси ѡдода деревенеку Климецу Ѻпарину, а мы ѥго не хътимо: не сусѣднеи человѣко. Волено Бъ д*(*а*) *і ты*.

Таким образом, грамота № 1096 почти наверное адресована брату. Возможно, это было семейное приглашение (или поздравление и т. п.), похожее, например, на грамоту № 497 (приводим в переводе): ‘Поклон от Гаврилы Постни зятю моему — куму Григорию и сестре моей Улите. Поехали бы вы в город к радости моей, а нашего слова не забыли бы. Дай Бог вам радость. 〈…〉’ или на грамоту Ст.Р. 40: ‘Поклон от Оксиньи и Онании Родивону и сестре моей Татьяне. Поезжайте в город к этому воскресенью: мне выдавать дочь, а сестре моей быть распорядительницей. А я господину своему Родивону и сестре моей челом бью’.

Может быть, письмо даже послано из того села Черенского, где Климец Опарин получил от Михаила Юрьевича «деревеньку» (т. е. пашенку).

Прозвище *Пятко* (того же ряда, что *Пятый*, *Пятьша* и т. п.), видимо, семейное. Ср. фамильярное *Климець* в № 311. У Тупикова [1903: 385] с именем *Пятко* отмечено 11 человек (например, *Пятко Онѣгинъ*, двинский целовальник). Есть и *Пятковъ* — псковский боярин XV в.

Опара — частое прозвище, см. [Там же: 346].

№ 1097. Дубошин-2 раскоп. Целое письмо из трех строк.

ѿ миханла поклоно к офоносу и к тє{є}рєтнию ѡсподинє по=
ст[о]ить в орюдии томъ за родника моѥго тєрєтиѧ и за брата=
на ѥго а цто буть имъ надоби а то им ꙑ дать

В *Миханла* автор ошибся в выборе из сходных букв *и* и *н*. В *Те{е}ретнию* по ошибке дважды написано *е* и переставлены буквы *н* и *т*. В *орюдии* после *д* автор начал и, видимо, зачеркнул какую-то букву. В *за родника моѥго* буква *и* переправлена из *н*, буква *м* написана поверх *з* (автор начал было повторять предлог *за*). В *Теретиѧ* пропущено *н*.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в., предпочтительно 1360-е — 1370-е гг.

Внестратиграфическая оценка: 60-е — 90-е гг. XIV в.

Перевод: ‘От Михаила поклон к Офоносу и к Терентию. Господин, постойте в том деле за родича моего Терентия и за племянника (*или*: двоюродного брата) его. А что будет им надобно, то им и дать’.

Михаил и Офонос явно те же, что в грамоте № 1094. Известную проблему составляет наличие в грамоте сразу двух Терентиев. Это имя не принадлежит к числу частотных для Новгорода; помимо данного документа, оно встретилось в берестяных грамотах всего два раза (№ 69 и № 263). И хотя может показаться очевидным, что Терентий — адресат письма и Терентий — родственник автора — это разные лица, то, что мы знаем сейчас о специфике коммуникативной организации берестяной переписки, делает едва ли не более вероятной другую возможность. В фонде берестяных грамот имеются письма, в которых человек, упоминаемый в тексте в 3-м л., является в то же время одним из адресатов. Так, грамота № 420, адресованная Захарии и Огафону, заканчивается предписанием — очевидно, обращенным к Огафону, — отдать деньги Захарии. Адресатами здесь выступают лица, которым предстоит вступить в контакт между собой, — при этом один из них является посланцем автора. Нечто похожее можно предполагать и в данном случае. Грамота может представлять собой сопроводительное письмо, с которым упоминаемый в нем Терентий должен был явиться к Офоносу. Этим хорошо объясняется отсутствие изложения существа дела — его, видимо, должен был изложить Михаилу сам Терентий. Множественное число *постоите* не противоречит такому пониманию, так как может относиться к целой группе лиц, рассмотрению которой подлежит дело. Такие случаи в грамотах не редкость; ср., например, № 603, где, при наличии двух адресатов, относящееся к ним местоимение имеет форму мн. ч.: *вы вѣдаета оже ѧ тѧже не добыле, тѧжѧ вашѧ* (см. комментарий в [ДНД$_2$, Б 93]).

Орудие — ‘дело’ (в частности, судебное). Смешение *ру* и *рю* — такое же, как в ряде других примеров из новгородских грамот, см. [ДНД$_2$, § 2.43].

Слово *братанъ* могло означать как племянника, так и двоюродного брата.

Для *буть* возможны две интерпретации: *будеть* без слога *де* (в силу простого пропуска или как отражение аллегровой формы с исчезновением интервокального [д’] и стяжением [уэ] в [ӯ] или [у]) или фонетическая запись *буть* (< *будь* < *буди*), т. е. часть конструкции *а что буди* (ср. *а что ни буди*). Вторая версия, однако, наталкивается на два препятствия: отсутствие других известных примеров, в которых бы эта конструкция выступала без *ни*, и отсутствие в берестяных грамотах других свидетельств оглушения звонких согласных на конце слова. Между тем трактовка *буть* как аллегрового варианта *будеть* находит параллель в № 273 (сер. XIV в.), где представлено *бушь* (< *будешь*).

А то им ы дать — примечательный пример чисто фонетической записи. При этом для *дать* тоже возможны две интерпретации: инфинитив *дать* (с вполне допустимым для XIV в. *-ть* из *-ти*) или императив <*даите*> с не выраженным на письме [j] (последнее даже уместнее по смыслу; но все же предпочтительно не предполагать пропуск буквы без полной необходимости).

№ 1098. Дубошин-2 раскоп. Целое письмо из шести строк на лицевой стороне и одной строки на обороте.

поклонъ ѿ теренътеѧ к онътону и к моісию
оуж[ь] к вамъ шлю третьюю грамоту а въı
ко мни не пришлете накладьного се=
ребра ни рыбъ нъіни не пришлете
к недили накладъного серебра ни
рыбъ і слат[ь] ми по васъ [би]=

Оборот:

рици а на ме сѧ не жальте

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в., предпочтительно 1360-е — 1370-е гг.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 1360-е — 1370-е гг.

В значительном числе случаев вертикальные штрихи буквы прочерчены двойным контуром.

В строке 1 после *тереньте* зачеркнуто *а*. В строке 2 в *третьюю* буква *е* написана поверх *ю*, в *грамоту* буква *а* исправлена из чего-то другого.

Перевод: ‘Поклон от Терентия к Онтону и к Моисею. Я к вам шлю уже третью грамоту, а вы мне не присылаете ни процентных денег, ни рыб. А теперь если не пришлете к воскресенью ни процентных денег, ни рыб, то мне [остается] слать на вас биричей, а на меня не жалуйтесь’.

Написание *на ме* ‘на меня’ в принципе может быть либо заменой для *на мѧ*, либо недописанным *на мене* (или *на менѧ*). Но самый поздний пример сочетаний *за сѧ*, *на мѧ*, *на тѧ* и т. п. (с энклитической формой местоимения) — *за сѧ* в № 293 (2-я треть XIII в.). Позже встречается только *на мене* и т. п., а со второй половины XIV в. уже бывает и *на менѧ*. Поэтому здесь необходимо предполагать простой пропуск слога *не* (или *нѧ*). Вероятно, в отрезке *наменесѧне* автор пропустил одно из двух *не* (хотя и разделенных промежуточным слогом *сѧ*).

Для последней фразы ср. в № 1001: *алѧ последе не жѧлоуіта оже ва продаженике поіде*. «Продажник» — судебный пристав, сборщик штрафов-продаж — выступает здесь в той же роли, какую в комментируемом документе выполняют биричи. Заметим, что это значение слова *биричь*, свойственное его славянским параллелям и этимологически первичное [Аникин 2009: 195–196], не отражено историческими словарями русского языка, хотя свидетельствуется целым рядом текстов (см. комментарий А. В. Арциховского к берестяной грамоте № 471 [НГБ VII: 66]).

№ 1099. Дубошин-2 раскоп. Целое письмо из четырех строк.

поклоно ѿ смена к офоносу
и ѿ мортки к осподину моѥму
цто половники посажени твоскии
а нъіни постои за нихъ

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в., предпочтительно 1360-е — 1370-е гг.

Внестратиграфическая оценка: не позднее конца XIV в., предпочтительно 60-е — 70-е гг. XIV в.

Перевод: ‘Поклон от Семена к Офоносу и от Мордки к господину моему. Что испольщиков ты посадил — так теперь постой за них’.

Очень необычна адресная формула грамоты, распадающаяся на две части. Такое построение допускает двоякую интерпретацию. С одной стороны, оно может отражать тот факт,

что господином Офонос является только для Мордки, тогда как отношения его с Семеном более равноправные. С другой стороны, его можно рассматривать как результат вклинивания друг в друга сочетаний *от Смена и от Мордки* и *к осподину моему Офоносу* (с инверсией компонентов, ср. *к о҃гну моѥму к Фефилату* в № 610). В таком расположении членов словосочетаний мог сказаться известный принцип построения древнерусской фразы, согласно которому вначале помещается главное сообщение, а потом добавляются уточнения, см. [ДНД$_2$, § 4.31]. В данном случае как уточнения могут быть трактованы имя второго автора и приложение к имени адресата.

Прозвище *Мордка* известно прежде всего из [НПЛ], где под 1270 г. упомянут *Олексинъ дворъ Морткинича*. Имя *Мортка* отмечено также в XVI в. [Тупиков 1903: 312].

Половники — ‘испольщики’, т. е. крестьяне, работающие за половину урожая.

Посажени — ср. характерную просьбу крестьянина [*п*]*ос*[*а*](*д*)*и мѧ г҃не на лу*|(*чѧ*)*ниновѣ мѣстѣ* в № 1065.

Твоискыи — ‘твой’, ср. [СРНГ, 43: 326]: *твойский* Сиб., Камч., Пск., Твер., Вят. Ср. также литературное *свойский.* В написании *твоскии* не выражен [j].

№ 1100. Дубошин-2 раскоп. Целый документ из одной строки.

кодратъ павле протасеі

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIV в.

Для чего предназначался этот список из трех христианских имен, сказать невозможно, но едва ли для поминания. Некоторую аналогию ему составляет № 729 (вторая половина XII в.), где перечислены восемь имен в именительном падеже, разделенные на две группы по четыре имени.

Представляют интерес разные окончания И. ед. в *Кодратъ* и *Павле*. Вероятно, автор имел в виду писать по возможности официально. Соответственно, он написал *Кодратъ*, а не *Кодрате*. Но в имени Павла он столкнулся с тем затруднением, что он не знал, как переделать привычное *Павле*, так как форма *Павелъ* в говоре не употреблялась. Поэтому он оставил *Павле* в той форме, которую знал.

Протасеи, естественно, имеет окончание -*и*.

№ 1101. Дубошин-2 раскоп. Целый документ из 11 строк и двух коротких дополнительных строчек на обороте.

иванко кузминъ далъ рбль
у ѡртемьꙗ взѧтъ рбль . шюстъ
с федкомь далъ рбль . сава съ
притъıкою далъ рбль июда
далъ рубль самсонъ далъ . рбл[ь]
микула далъ полътину . федърко
бъшаровъ пѧтину далъ . ѻсипъ
мшилъво пѧтину далъ
кукла далъ рубль . минка ку=
лотинъ зарубою рубль дал[ъ]
деньсеи . олисѣи рубль дали

Оборот:

абвгдє
жѕзиі{и}к

Стратиграфическая дата: 1340-е — 1350-е гг. (после пожара 1340 г., рядом со срубом, построенным ок. 1356 г.).

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 1340-е — 1350-е гг.

Это один из лучших примеров схождения стратиграфической и внестратиграфической оценки.

Документ представляет собой реестр некоего большого денежного сбора, в котором участвуют следующие лица: 1) Иванко Кузьмин, 2) Ортемий, 3) Шуст с Федком, 4) Савва с Притыкой, 5) Июда, 6) Самсон, 7) Микула, 8) Федорко Бошаров, 9) Осип Мшилов, 10) Кукла, 11) Минка Кулотин с Зарубой, 12) Денесей и Олисей. Из 16 человек пятеро дали по рублю, еще восьмеро, объединенные в пары, — по рублю с пары, и еще трое, выступающие индивидуально, — по полтине. Общая сумма сбора — 10 рублей с полтиной.

Последняя запись содержит указание, что рубль дан сегодня. Следовательно, предыдущие записи относятся к суммам, поступившим ранее, — очевидно, список составлялся постепенно. Этим может быть отчасти обусловлено необыкновенное для текста, написанного одной рукой и содержащего набор однотипных фраз, варьирование орфографии и способов записи. Особенно показательно, что все четыре имеющиеся в грамоте написания с бытовой меной ъ и *о* (*Федърко Бъшаровъ*, *Мшилъво*) приходятся на соседние 8-ю и 9-ю записи. Эти записи объединяет и сокращенное написание *плтину*, при том что в 7-й записи слово пишется иначе: *польтину*. На этом фоне неслучайной выглядит и разница в порядке слов: *даль польтину* в 7-й записи и *плтину даль* в 8-й и 9-й. Варьирует и написание слова *рубль*: в первых четырех записях, а также в 6-й оно сокращено до *рбль*; в остальных случаях выписано полностью. Отметим и наличие в грамоте сразу трех вариантов обозначения начального *о*-: *у ѡртемьѧ* (2), *Ꙩсипъ* (8), *ꚙлисѣи* (12).

На обороте автор начал выписывать азбуку, но дошел только до *К*. Примечательно, что общее число написанных букв (не считая ошибочно повторенного **и** перед **к**) — 12 — соответствует числу записей на лицевой стороне грамоты; при этом буквы на обороте записаны в две строки, по шесть букв в строке. Возможно, мы имеем дело не с пробой пера, но со своеобразной «нумерацией» записей: записав поступление очередного платежа, составитель списка делал буквенную отметку на обороте грамоты. Переход на новую строку после шестой отметки следует в таком случае объяснять тем, что общее число пайщиков этого финансового предприятия изначально планировалось равным двенадцати. Это неудивительно, учитывая роль дюжины как числового стандарта, проявляющуюся и в древнерусских источниках (ср. хотя бы 12 послухов, фигурирующих в договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в. и 12 мужей, участвующих в «изводе» краткой редакции Русской правды, см. [Чебаненко 2016: 112–113]).

Грамота не имеет никаких признаков древненовгородского диалекта.

Представляют интерес прозвища *Шюстъ*, *Кукла*, *Притыка*, *Заруба* (многочисленные производные от которых встречаются как в средневековых источниках, так и среди современных фамилий), отчества *Кулотинъ* (от имени *Кулота*, неоднократно представленного в ранних берестяных грамотах своими производными), *Мшиловъ* (от *мшити* ‘конопатить мхом’), *Бошаровъ* (видимо, восточного происхождения, ср. современную фамилию *Башаров*). Впервые встретилось в берестяных грамотах христианское имя *Иуда*, отраженное также новгородской топонимикой эпохи независимости: в писцовых книгах упоминаются деревни *Иудино*, *Иудкино* и селище *Июдино* [НПК, 1: 148, 327, 587; 5: 548; 584; 6: 99, 435]. *Денесей* — вариант канонического имени Дионисий (ср. *Гаврилко Денесов* [НПК, 5: 418]).

№ 1102. Дубошин-2 раскоп. Целое письмо из четырех полных строк и двух коротких дополнительных строчек.

поклоно ѿ лукерии ки макти коли[в]ка шста=
ви а рубили свои возми а потину пришли
кланиса про потиноу свари ту а це ремиа
приди сама симо˅ слю ти бижа

любо сесру=
пришли \{о}хои

В *Лукерии* буква *у* переправлена из *и*.

В 4-й строке перед *слю* стоит разделительный знак, имеющий вид галочки.

Начальная буква в *це ремиа* похожа одновременно на *ц* и на *ч* (так что ее передача как *ц* до некоторой степени условна). По-видимому, это очередной пример гибридной графической реализации букв *ц* и *ч* (связанной с неразличением соответствующих фонем), подобный тому, который встретился в грамоте № 683; см. об этом [ДНД$_2$: Б 56].

Косая черта в последней строке, по-видимому, отделяет последние четыре буквы с тем, чтобы они читались как продолжение отрезка *сетру*. Если это верно, то *сетру\{о}хои* есть результат переделки слова ‘сестру’ в ‘сеструхой’. Лишнее *о* может объясняться тем, что Лукерья думала сначала написать через черту окончание *-ои*, заменив таким образом *сетру* на *сетрои*, но затем дописала *хои*, получив *сетрухои*.

Стратиграфическая дата: середина XIV в., предпочтительно 1350-е — 1360-е гг.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 1340-е — 1370-е гг.

Письмо состоит из очень кратких фраз, смысл и взаимосвязь которых при буквальном прочтении уловить очень трудно: ‘Поклон от Лукерьи к матери. Кутьецы (кутейки) оставь. А рубль свой возьми, а полтину пришли. Проси про полтину, свари там. А что до одежды — приходи (*или*: приезжай) сама сюда. Шлю к тебе на бегу. Или с сестрой пришли’.

На помощь приходит грамота № 689 (того же времени), отражающая явно сходную жизненную ситуацию: ‘По завещанию [я] взял рубль, а помимо завещания [еще] два с половиной рубля. После его смерти я дал полтину отцу [его] духовному Нестеру, а другую полтину Дмитру-чернецу. На солод я дал рубль и варил пиво к сорочинам ⟨…⟩’.

Мать Лукерьи, очевидно, выступает в той же роли, что автор грамоты № 689.

Тем самым становится возможным сделать более эксплицитным перевод грамоты № 1102 с помощью высоковероятных пояснений (даны в скобках): ‘Поклон от Лукерьи к матери. Кутьецы оставь (для меня). А рубль свои (выделенный тебе по завещанию) возьми, а полтину пришли. Проси (не сказано, кого: мать сама понимает) про полтину (которая останется у тебя от рубля), свари (на нее) там (известно где, известно что — пиво к сорочинам). А что касается одежды (оставшейся после умершего), то приходи (*или*: приезжай) (с ней) сама сюда. Шлю к тебе (это) на бегу’. *Добавление*: ‘Или с [двоюродной?] сестрой (ее) пришли’.

По-видимому, грамота была написана незадолго до сорочин, к которым готовилась кутья и варилось пиво и после которых совершалась раздача вещей умершего.

Пояснение, что письмо написано в спешке, встретилось в берестяных грамотах впервые. Возможно, что некоторые особенности текста связаны именно с этим. Но эллиптический стиль со множеством восстанавливаемых из контекста пропусков может объясняться и тем, что Лукерья отвечала на письмо матери. Последнее могло содержать предложение прибыть в город на сорочины, чтобы участвовать в поминании и забрать оставшиеся от умершего родственника вещи. Прося мать оставить для нее кутьи, Лукерья, по существу, сообщает, что на сорочины она приехать не сможет. Что же касается вещей, то их она предлагает матери привезти самой или же прислать с сестрицей. По-видимому, Лукерья написала сначала ‘пришли сестру (с одеждой)’, но переделала фразу в ‘пришли (одежду) с сестрой’.

Коливо — то же, что *кутья*, т. е. особая пища, употребляемая на похоронах и поминках. Слово играет важнейшую роль в понимании данной грамоты: без него нельзя было бы надежно установить, о каких событиях идет речь. В письменных памятниках слово встречается редко: в [Слов. XI–XVII, 8: 239] приведено лишь два примера — из переводных

канонических ответов 1276 г. и указа о монастырских трапезах 1590 г. (с пояснением: *коливо, сирѣчь пшеница варена съ медомъ и изюмью чинена*). В говорах лексема также засвидетельствована слабо: в [СРНГ, 14: 122] она характеризуется как Зап., Зап.-Брянск. Тем большую ценность приобретает свидетельство грамоты, показывающее, что в XIV в. слово было вполне освоено разговорным языком Новгорода.

Ремье — в древнерусских словарях этого слова нет, но оно есть в [СРНГ, 35: 63]: *ремьё* ‘тряпки’, ‘старая одежда, обноски’ Зап., Ленингр., Свердл., Челяб., Урал.

Сеструха — в древнерусских словарях этого слова тоже нет, но оно хорошо известно в современных говорах. В [СРНГ, 37: 237] у этого слова указаны следующие основные значения: ‘родная сестра’ Горно-Алт., Кемер., Мурман. (также менее определенное просто ‘сестра’ Волог., Арх., Влад. и др.); ‘старшая сестра’ Том., Горно-Алт., Амур., Хабар.; ‘двоюродная сестра’ Пск., Арх., Сев.-Двин., Мурман., Новосиб., Краснояр., Бурят. В этом контексте в принципе допустимо любое из этих значений, но то, что Лукерья называет мать маткой, делает более вероятным, что речь идет о сестре.

За написанием *приди* в данной грамоте, где *ѣ* дает *и*, может стоять не только <*приди*>, но и <*приѣди*> [*прииди*], записанное с одним *и* вместо двух. Скорее всего, имелось в виду не пешее перемещение, а поездка. В таком случае в тексте XIV в. следует ожидать употребления глагола *приѣхати*, а не *прити*: в это время соотношение между *ити* и *ѣхать* было уже близким к современному и отличалось от имевшего место в ранний период, когда *ити*, подобно англ. *go*, служило немаркированным обозначением любого перемещения на расстоянии (см. комментарий к № 411 в [НГБ XII: 237]).

Имя *Лукерьꙗ* (из *Глукерьꙗ*), от греч. *γλυκερός* ‘сладкий’, в соответствии с обычными способами передачи греческого *υ*, имело вариант *Гликерьꙗ* (и *Ликерьꙗ*). Исправление *ѿ Ликерии* на *ѿ Лукерии* отражает сосуществование обоих вариантов.

В грамоте целый ряд написаний отклоняется от ожидаемых при обычном бытовом письме — возникает ощущение, что Лукерья была малограмотной. Однако при более внимательном анализе выясняется, что почти все эти отклонения допускают другие объяснения, а самые важные из них представляют собой не что иное, как правильную запись отклоняющихся от нормы фонетических реализаций.

Главным фактом этого рода являются написания *потину* и *потиноу* вместо *полтину*. Это не две одинаковых описки (что уже само по себе маловероятно), а отражение фонетического перехода [ол] в закрытом слоге в [о]. Стало ясно, что не описками (как предполагалось до сих пор), а проявлениями этого же перехода в берестяных грамотах являются примеры: *по цетверта* ‘три с половиной’ 707 (последняя треть XIII в.), *потори коробии* 689 (60-е — 70-е гг. XIV в.), *поторѣ коробьи* 521 (последняя четверть XIV — начало XV в.).

Этот переход, не привлекавший до сих пор достаточного внимания со стороны историков русского языка и диалектологов, очевидно, развивался в виде цепочки [ол] > [ow] > [oo] > [ō] > [о]. Первый шаг в этой цепочке — это хорошо известный северновеликорусский переход *л* > *w* в конце слога, см. [Образ.: 50–54]. О реальности дальнейших шагов свидетельствует целая серия примеров из современных говоров (ниже даются примеры из СРНГ (если не оговорено иное)):

во́глый ‘сыроватый, влажный’ Перм., Свердл., Том., Тюмен., Вят. [4: 330] — ср. литературное *во́лглый*;

во́хкий ‘то же’ Сиб., также Терск., Дон. [5: 164] — ср. *во́лгкий* ‘то же’ Зап., Смол., Калуж., Пск., Калин. [5: 37];

во́блый ‘то же’ Вят., Волог. [4: 327] — ср. *во́лблый* ‘то же’ Вят. [5: 36];

мо́ва ‘язык, речь’ Арх., КАССР, *мо́вить* ‘говорить, сказать, молвить’ Олон., Арх., Перм. (не считая регионов, близких к Украине) [18: 189] — ср. литературные *молва́*, *мо́лвить*;

мо ‘мол, дескать’ Киров., Горьк., Костром. [18: 189] — ср. литературное *мол*;

токова́ть ‘разговаривать, беседовать’ КАССР, Свердл., Хакас., Новосиб., *токова́ться* ‘то же’ Новг., *токови́к* ‘разговорчивый человек’ Перм. [44: 180] — ср. литературное *толкова́ть* и производные;

гóбец ‘отгородка или чулан возле русской печи’ Север. и Сибирь,Твер., *гóбчик* ‘то же’ Средн. Урал., Том., Свердл., Иркут., также Ряз. [6: 252] и [АОС, 9: 219, 221] — ср. *гóлбец*, *гóлбчик* ‘то же’ весь Север и Сибирь и др. [6: 284, 287] и [АОС, 9: 219. 221][1];

мóвия ‘молния’ ([18: 189] без указ. места) — ср. *мóлвия* ‘то же’ Олон., Арх., Вят., Влад., Орл. [18: 214];

токáчик ‘пест’ Том. [44: 176] — *толкáчик* ‘то же’ Смол., Пск., Орл. [44: 188];

и ряд других.

Имеется также случай, когда вариант с утратой *л* принадлежит литературному языку. Это группа слов, родственных слову *кочка*:

коч (Р. ед. *кóча*) ‘кочкарник, кочки’ Арх., Волог., Костром. [15: 122] — ср. *колч* (Р. ед. *колчá*) ‘кочка, бугорок, поросший мхом или травой’ Ряз., *кóлчи́* ‘ухабы, комья мерзлой грязи’ Тул., Курск. [14: 202];

кóча ‘кочка’ Волог., Яросл., Иван., Костром., Влад., Нижегор., Том., Краснояр., также Моск. [15: 122]; *кóчка* литературное, в говорах также в значениях ‘холмик’, ‘островок на реке’, ‘верблюжий горб’, ‘деревянный шар (в играх)’ Арх., Волог., Новг., Киров., Влад., Сиб., Челяб., Чкал. [15: 133] — ср. *кóлча* ‘кочка’ Слов. Акад. 1912, *колчá* ‘заболоченное место с кочками (и др.)’ Тамб. (также *колчóк* ‘то же, что *колч*’ Ряз., *колчки́* ‘комья засохшей или замерзшей грязи на дороге’ Куйбыш., Ворон.) [14: 202];

кочевáтый ‘покрытый кочками, кочковатый’ Арх., Костром. [15: 123] — ср. *колчевáтый* ‘ухабистый, неровный, кочковатый’ Курск., Пск. [14: 202].

Особого разбора требуют слова с корнями *бот-* и *болт-*. Для *бóтáть* необходимо различать группу значений, связанных со взбалтыванием, болтанием (*бóтáть*$_1$), и значение удара, битья (*бóтáть*$_2$). Далее, для *болтáть* и *бóтáть*$_1$ различаются значения, связанные: (1) со взбалтыванием; (2) с особым способом ловли рыбы; (3) с раскачиванием, болтанием; (4) с болтливостью.

бóтáть$_1$ [3: 131]: (1) ‘сбивать масло’ Сев., Вост., Тамб., ‘месить тесто’ Арх. — ср. литературное *болтáть* ‘взбалтывать’;

(2) ‘хлопать по воде ботом, загоняя рыбу в сеть’ Арх., Сев.-Двин., Волог., Перм., Вят., Новг., Петерб., Твер., Костром., Пенз., Тамб., Свердл., Челяб., Тобол., Пск. — ср. *болтáться* ‘ловить рыбу’ Пск., Смол.;

(3) ‘качать, болтать (ногами, руками)’ Сев., Вост., Арх., Олон. Волог., Перм., Яросл., Тамб., Енис., также Тул., Ряз., ‘звонить колокольчиком (боталом)’ Арх. — ср. литературное *болтáть* (ногами, руками);

(4) ‘болтать, врать’ Сев.-Двин., Ленингр., Перм., Тюмен., Свердл., Енис., Иркут.; сюда же: *бóтать по фéне* — ср. литературное *болтáть* (языком).

бот (Р. ед. *бóта*; [3: 127]): (2) ‘длинная палка с конусообразным, пустым внутри наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют в сети’ Арх., Волог., «от Шексны до Кубенского озера», Перм., Вят., Костром., Влад., Свердл., Оренб., Урал., Тюмен., Том., Кемер. и др., также Ворон., Кубан. — ср. *болт* (Р. ед. *болтá*; [3: 80]): (1) ‘мутовка, мешалка для взбалтывания’ Курск.; (2) ‘рыболовный снаряд — длинный шест с утолщением на конце, чтобы пугать рыб или раков, ботало’ Курск., Краснодар., Азовск., Волог.; (4) *болты́ продавать* ‘говорить вздор, болтать’ Калуж.

бóтáло [3: 129]: (2) ‘рыболовный снаряд (см. *бот*, *болт*)’ Волог., Перм., Влад., Костром., Тамб., Свердл., Челяб., Тобол., Барнаул. — ср. *болтáло* ‘то же’ [3: 81] Олон. Кроме того, *бóтáло* (3) ‘колокольчик на шею корове или лошади’ Арх., Перм., Сев.-Двин., Волог., Новг. и др., широко в Сибири, (4) ‘болтун’ Перм., Вят., Новг., Влад., Свердл., широко в Сибири.

[1] Из примеров рассматриваемой группы это самый известный в научной литературе. Так, [АОС] дает соответствующую статью как *гóлбец* (*гóбец*). Мызников [2004: 45] прямо указывает: *гóбец* < *гóўбец* < *гóлбец*.

Что касается *бóтáть*$_2$ [3: 131] ‘стучать, ударять, бить’, то у него соответствий с *болт*-нет. Следует предполагать, что это другой по происхождению глагол (восходящий к **botati* ‘ударять с шумом, бить’).

Как видно из приведенного материала, *о* из *ол* в подавляющем большинстве случаев представлено в окающих говорах (а также Тамб., Пенз., Сарат.), т. е. в северновеликорусских и производных от них (прежде всего сибирских) и окающих среднерусских. Единичные отклонения могут объясняться как заимствования из этих говоров.

Исконное *ол* представлено в основном в южновеликорусских говорах и литературном языке. Но оно возможно также и в северных говорах, что легко объяснимо, поскольку это просто сохранение древнего состояния.

Следует отметить, что, как показывает материал, в некоторых случаях переход [ол] > [ow] > [oo] > [ō] сопровождался перетяжкой ударения на это долгое [ō], ср. *бóта* при *болтá*, *кóча* при *колчá*, *мóва* при *молвá*, вариант *бóтать* при *болтáть*, *бóтало* при *болтáло*.

В славянском мире эффект перехода *ол* в *о* хорошо известен в сербском языке, ср. серб. *пô* ‘пол, половина’, *на по пýта* ‘на полпути’, *вô* ‘вол’, *гô* ‘голый’, *стô* ‘стол’, *стôнӣ* ‘столовый’, *сôнӣ* ‘соляный’, *бôнӣк* ‘больной, пациент’ и т. п. Но предполагать в сходстве этого эффекта в сербском и древненовгородском что-либо большее, чем параллельное развитие, нет оснований.

Таким образом, грамота № 1102 послужила стартовой точкой для выявления еще одной фонетической черты какой-то части говоров древненовгородского диалекта, существовавшей также и в ряде других северных говоров.

Более подробному разбору проблемы перехода *ол* > *о* будет посвящена специальная статья А. А. Зализняка.

Прочие особенности.

Кланисѧ из исходного *кланѧисѧ*. Известный северновеликорусский переход *а* > *е* между мягкими согласными дал *кланеисѧ*; см. [ДНД$_2$, § 2.36]. Далее безударное *еи* могло быть ослаблено до *ии* = [иj], с вполне допустимой в этом случае записью *кланисѧ*.

Сесру- — это едва ли простой пропуск буквы *т*; более вероятно фонетическое упрощение. Ср. такой же эффект в *сьсричича* в грамоте № 974, *сесри* со вставленным [т] в грамоте Ст.Р. 40 (при 2× *сестри*). Аналогичные примеры в [СРНГ]: *пузрó*, *пузрáн*, *пузрáтый* и др. [33: 115], ср. *пуздрó*, *пуздрáн* и др. [33: 114]. Вероятно, неустойчивости различения *стр* и *ср*, *здр* и *зр* могли способствовать также примеры вариантности типа *срам — страм, сруб — струб*, *разрушить — раздрушить*.

Примечание. Неустойчивость сочетания *стр* в слове *сестра* могла проявляться также и в форме утраты *с*: ср. *сетра*, *сетроу*, *сьтроу* (2×) (при единичном *сестроу*) в № 531 (здесь любопытно совпадение с верхнелужицким *sotra*, нижнелужицким *sotša*). Отметим также *Нодрька* 954, по-видимому, позже исправленное на *Но*[з]*дрька.* Возможно, не является опиской также *т* вместо *ст* в *кретеяне* 352 и *Готилъ* 550.

Написание *це* ‘что’ отражает такое же упрощение *чт* в *ч*, как в *нѣ о че* 477, *цо* 11, 61, 135, 383, 744 и др., *чо* 157, 962.

Проявлением высокой фонетичности письма Лукерьи следует считать также то, что в нем появляется один из самых ранних примеров [-oj] из *-ою* в Т. ед.

Особый интерес составляет написание союза *а* как *ѧ* в отрезке *ѡстави ѧ рубили*. Для этого имеется следующий прецедент: *5 на дьсѧте гривьно ѧ ныньково* в № 1002. Две одинаковые описки не исключены, но все же маловероятны. И общая точность фонетического письма Лукерьи тоже является дополнительным аргументом против версии об описке. Если же это не описки, то перед нами такая же йотация начального *а*, как в **аблъко*, **аице*, **агода*, **авити* и т. д., т. е. эффект трактовки союза *а* по общему правилу, а не как исключения (каковым союз *а* выступает в нормальном случае). Если это йотация, то она носила в идиолекте Лукерьи факультативный характер: в двух других случаях союз имеет вид *а*.

Еще одним аргументом в пользу реальности варианта [ja] у союза *а* может служить то, что в единичных случаях йотация отмечается и в других словах служебного или полуслужебного характера, в нормальном случае начинающихся с *а.* Так, наряду с обычным *акы* ‘как’ отмечено *ѩкы* [Срезн., III: 1655], наряду с *день аче день* ‘день ото дня’ отмечено *день ѩче день* [Там же: 1675].

За написанием *макти* вместо *матки* может, конечно, стоять простая перестановка букв, но это может быть и фонетическая метатеза. Ср. *ко Поктѣ* ‘к Потке’ в грамоте № 750 и *Романа Пъкта* в старшем изводе НПЛ (при *Романа Потка* в младшем), где наиболее вероятна именно фонетическая метатеза. Ср. также в СРНГ: *питки́ль* (*питке́ль*) ‘пест для толчения в ступе’ Ряз. [27: 54] — *пиктиль* (б. уд.) ‘то же’ Пенз. [27: 25] (заимствование из мордовского *p’etk’el’* [Фасмер, 3: 269]); можно отметить еще *кокта́ть, ко́кчет* ‘кудахтать’ Вят. [14: 103] — *ко́ткать, ко́ткает* ‘то же’ Арх. (15: 105); *жлу́кта* ‘кадка для стирки белья’ Смол., Южн., Зап. [9: 202] — *жлу́тка* ‘то же’ Курск. [9: 203].

Рубили ‘рубль’. Следует полагать, что в письме Лукерьи присутствует так называемый эффект скандирования через *ы*/*и*, примерами которого в берестяных грамотах являются *овиса* ‘овса’ 50, *цоломи бию* 301, *6 куници* 278, *оу Данешиници* ‘у Даньшиничей’ 219, *своим*[*ы*] ‘своим’ Пск. 7, см. [ДНД$_2$, § 1.14]. Употребление *и* вместо *ь* могло быть и вполне последовательным, примером чего служит украинская грамота 1393 г., см. [Молдован 2000: 268, грамота А 28]. В грамоте Лукерьи буквы *ь* нет вообще, а везде, где она ожидалась бы, выступает *и*: помимо *ѿ Лукерии* и *ремиѧ*, т. е. позиции, где написание *и* вместо *ь* представлено в берестяных грамотах достаточно широко, это, вероятно, *ѡстави*, которое в эту эпоху, скорее всего, уже звучало как [остав’], а не [остав’и], а также *рубили* вместо *рубьль*, т. е. [руб’л’]. Ср. аналогичное написание с обозначением мягкости *б* в *рубьль* 366 (грамота с эффектом *е* → *ь*) и *рубеле* 254 (грамота с эффектом *ь* → *е*/*ь*).

Правда, эти две грамоты могут передавать как [руб’л’], так и [руб’ел’]; ср. *рубелъ* в грамоте XV в. № 374 (без смешения *ь* с *е*), где написание уже определенно указывает на наличие вставного *е*. В свете этих фактов написание *рубили* в принципе может отражать не только [руб’л’], но и [руб’ил’], с иной вставной гласной. Но пока других свидетельств существования варианта *рубиль* нет, предпочтительно трактовать *рубили* как [руб’л’].

Сложнее обстоит дело с *ки* в *ки макти*. Возможно, это просто графический эффект персеверации, то есть повторения огласовки *и* после двух предыдущих *и* (*ѿ Лукерии ки матки*). Но нельзя исключить и более сложный механизм: такое же скандирование через *ы*/*и*, как выше, которое дает *кы макти* из *къ макти*, а при проговаривании написанного по слогам *кы* произносится с гласным призвуком, и тогда *кы* дает *ки* в силу действующего в эту эпоху общего перехода *кы* > *ки*.

Наименее понятно *о* перед *хои* в *сесру\охои*. Может быть, Лукерья начала писать на новой строке *оухои* (как если бы это было начало слова), но поняла неправильность этого и просто бросила ненужную букву?

Старая Русса

В 2017 г. работы в Старой Руссе были продолжены на Пятницком-II раскопе (руководитель Е. В. Торопова), расположенном в историческом ядре города. При изучении пласта 13 в центральной части раскопа были найдены две берестяные грамоты: № 47 и № 48. Обе грамоты обнаружены на территории усадьбы «Б» в напластованиях второй четверти — середины XIV в.

Грамота № 48, представляющая собой маленький обрывок письма, в настоящую публикацию не включена.

Ст.Р. 47. Последние две строки документа.

ма . ѿ илına дни до
[х҃рто]^{в} велика дн҃и

Слово хртоⷡ целиком под длинным титлом, и оно зачеркнуто.

Стратиграфическая дата: вторая половина 1320-х — конец 1340-х гг.

От текста сохранилось только указание срока, на который могла быть заключена финансовая сделка, договор найма или какое-то другое соглашение: от Ильина дня до Пасхи. Сочетание *Христовъ день* как обозначение Пасхи, известное хотя бы по пословице *Дорого яичко ко Христову дню*, встречается и в письменных памятниках, но намного реже, чем его синоним *Великъ день* (см. примеры в старорусском подкорпусе [НКРЯ], все не старше XV в.); ср. также поздний пример, демонстрирующий и сам тип записи, содержащей подобное указание: *Наняты работники от Филипова заговенья до Христова дни: Лариону Федорову ряды 13 алтын 2 деньги* [Приход., л. 31].

Возможно, писец собирался написать *Христова дни*, но, уже написав хр҃тоⷡ, решил использовать более традиционное обозначение праздника и зачеркнул прилагательное. Но более вероятно другое. В кабальной записи 1687 г. находим точную параллель: *до сроку* ***до Христова Велика дни*** *нынѣшняго 187 году* (заемная кабала 1678 г., [АЮБДР, 2: 4]). С другим порядком слов это сочетание обнаруживается в фольклоре, ср.: *На тых столах все святки, Все святки, все праздничкu: Первое свято —* ***Велик Христов день, Велик Христов день*** *с красным яичком…* (волочебная песня, запись в Псковской губернии [Воскресенский 1902: 264]); *До велика-то Христо... Ой, как До* ***велика****-то* ***Христова дни****!»* (вологодская причеть [Ефименкова 1980: 257]). Как видно из этих примеров, сочетание *Христов велик день* / *велик Христов день* представляет собой полную форму народного названия Пасхи, в сравнении с которой *Христовъ день* и *Великъ день* выглядят как сокращенные наименования. Это соотношение является, впрочем, чисто синхронным: исторически трехкомпонентное сочетание было, вероятно, достроено по образцу названий других Господских праздников (*Рождество Христово*, *Богоявление Христово* и др.) на основе исходного *Великъ день*, имеющего книжное происхождение и калькирующего греч. μεγάλη ἡμέρα. Так или иначе, писец грамоты, скорее всего, написал сначала **до хр҃тоⷡ велика дн҃и** и уже потом вычеркнул показавшееся ему лишним слово, приведя название праздника к стандартному виду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М.: Изд-во МГУ, 1980–. [*Arhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 1–. Moscow: Moscow State Univ., 1980–.]

Аникин 2009 — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (Бе — Болдыхать). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. [Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 3 (Be — Boldyhat'). Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2009.]

АЮБДР, 2 — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / Калачов Н. (ред.). СПб.: Тип. Имп. АН, 1864. Т. 2. [Kalachov N. (ed.) *Akty, otnosyashchiesya do yuridicheskogo byta Drevnej Rossii* [Acts concerning law practice in Old Russia]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii Nauk, 1864. Vol. 2.]

Воскресенский 1902 — Воскресенский В. Русская народная поэзия. Сборник сказок, былин, исторических и бытовых песен, обрядов, пословиц, загадок. 2-е изд. СПб.: Издание Н. П. Карабасникова, 1902. [Voskresenskii V. *Russkaya narodnaya poeziya. Sbornik skazok, bylin, istoricheskikh i bytovykh pesen, obryadov, poslovic, zagadok.* 2-e izd. [Russian folk poetry. A collection of fairy-tales, bylinas, history songs, rites, proverbs, riddles]. 2nd ed. St. Petersburg: N. P. Karabasnikov, 1902.]

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [*Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of Velikii Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949.]

ДНД$_2$ — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]

Ефименкова 1980 — Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. М.: Сов. композитор, 1980. [Efimenkova B. B. *Severnorusskaya prichet'* [The North Russian lamentation]. Moscow: Sov. kompozitor, 1980.]

Ляцкий — Ляцкий Е. Стихи духовные. СПб.: Огни, 1912. [Lyackij E. *Stikhi dukhovnyye* [Spiritual verses]. St. Petersburg: Ogni, 1912.]

Молдован 2000 — Молдован А. М. Пять новонайденных украинских грамот конца XIV — начала XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2000. С. 261–277. [Moldovan A. M. Five newly found Ukrainian charters of the late 14th early 15th century. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic source studies and the history of Russian]. Moscow: Drevlechranilishche, 2000. Pp. 261–277.]

Мызников 2004 — Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. [Myznikov S. A. *Leksika finno-ugorskogo proishozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada. Etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Vocabulary of Finno-Ugric origin in the North-West Russian dialects. Etymological and linguistic geography analysis]. St. Petersburg: Nauka, 2004.]

НГБ VII — Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978. [Arcikhovskii A. V., Yanin V. L. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1962–1976)]. Moscow: Nauka, 1978.]

НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru.]

НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб.: Сенат. тип., 1859–1910. Т. I–VI. [*Novgorodskie pistsovye knigi, izdannye Imperatorskoi Arkheograficheskoi komissiei* [Novgorod cadastres edited by the Imperial Archeographic commission]. St. Petersburg: Senat. tip., 1859–1910. Vol. 1–6.]

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. [*Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The First Novgorod Chronicle — Older and Younger recensions]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950.]

Попр.-XII — Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 196–275. [Gippius A. A., Zaliznyak A. A. Refinements and notes on the reading of the previously published birch-bark documents. Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015. Pp. 196–275.]

Приход. — Приходно-расходные книги Мироносицкой пустыни Царевококшайского уезда (1713–1723 гг.). № 2. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Mironos_pust_Carevokoksajsk/text2.htm

Образ. — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970. [Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov [Formation of North and Central Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1970.]

Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–. [*Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [A dictionary of the XI–XVII centuries Russian language]. No. 1–. Moscow: Nauka, 1975–.]

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб.: издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1893–1903. [Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials to Old Russian Dictionary on the written monuments]. Vol. I–III. St. Petersburg: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk, 1893–1903.]

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 1–. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965–.]

ССМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т. Київ: Наукова думка, 1977–1978. [*Slovnyk staroukrains'koi movy XIV–XV st.* [A Dictionary of XIV–XV centuries Old Ukrainian]: in 2 vols. Kyiv: Naukova Dumka, 1977–1978.]

Тупиков 1903 — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. [Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A dictionary of the Russian personal proper names]. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1903.]

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. Vols. 1–4. Moscow: Progress, 1964–1973.]

Чебаненко 2016 — Чебаненко С. Б. Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548 // Новгородский исторический сборник. Вып. 16 (26). Великий Новгород: Санкт-Петербургский институт истории РАН; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2016. С. 103–114. [Chebanenko S. B. Prejudical resolution of a conflict in times of the Prostrannaya Pravda («Extended Pravda»): Novgorod birch-bark manuscript No. 548. *Novgorodskii istoricheskii sbornik.* Vol. 16 (26). Velikii Novgorod: St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences; Yaroslav-the-Wise Novgorod State Univ., 2016. Pp. 103–114.]

Получено / received 29.01.2018 *Принято / accepted 17.04.2018*